

84(2=411.2)6-4

Д93

СА-409764

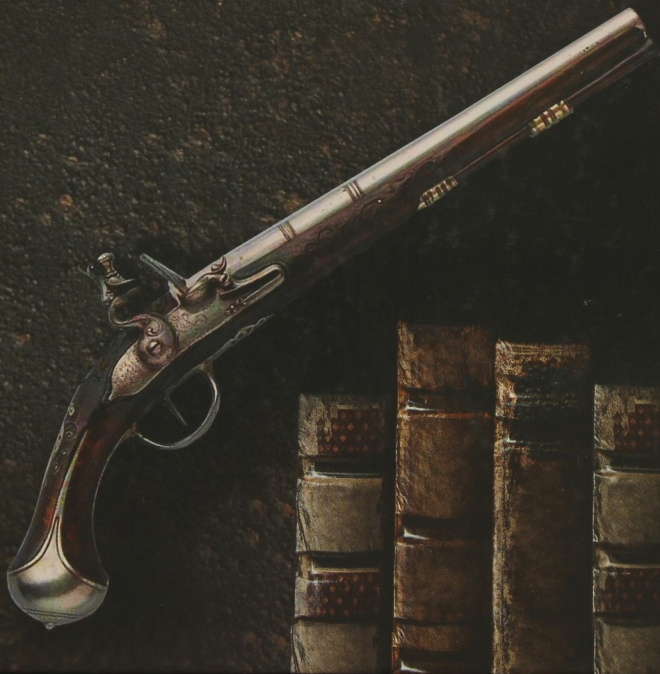
Владимир Д. Дьяченко

Дневник унтер-офицера

12+

Александр Пушкин

Капитанская дочка

Владимир Д. Дьяченко

Дневник унтер-офицера

роман

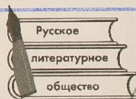
Александр Пушкин

Капитанская дочка

повесть

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

МОСКВА
2024

СА - 409464

Владимир Д. Дьяченко *ДЗР*

ДНЕВНИК УНТЕР-ОФИЦЕРА

А прежде поручика лейб-кирасирского его
высочества наследника цесаревича и вели-
кого князя Павла Петровича полка, вре-
мен государыни нашей Екатерины.

*С благодарностью
за вытоженное
копие "Копию"
"Копию" передано
на руки
спасибо
мл. Н. И. Крутой
Всех ООУНБ
ЗД*

25.03.2025

Содержание

Владимир Д. Дьяченко

Дневник унтер-офицера. Роман

Предисловие	4
1. Новый офицер	7
2. Ермолай	13
3. Знакомство	26
4. Ярославский драгунский полк	34
5. Маша	48
6. Поединок	59
7. Пугачевщина	74
8. Битва	79
9. Казнь	85
10. Комендант	91
11. Письмо	100
12. Предатель	113
13.	125
14. Эпилог	126

Александр Пушкин

Капитанская дочка. Повесть

Глава I Сержант гвардии	134
Глава II Вожатый	143
Глава III Крепость	153
Глава IV Поединок	160
Глава V Любовь	170
Глава VI Пугачевщина	178
Глава VII Приступ	189
Глава VIII Незванный гость	197
Глава IX Разлука	206
Глава X Осада города	212
Глава XI Мятежная слобода	221
Глава XII Сирота	233
Глава XIII Арест	241
Глава XIV Суд	249

Предисловие

Которое написано единственно для того, чтобы сгладить оторопь, какая охватит читателя буквально с первой минуты знакомства с прилагаемой рукописью.

История этой книги началась в день, когда я случайно узнал от родителей то, чему они совершенно не придавали значения. Что мои далекие предки по материнской линии когда-то жили в России. И что перебрались они во Францию после известных Парижских событий 1814 года.

Похвастаюсь, мои деды (с разным количеством приставок "пра-") были люди, как теперь говорят, не промах. С конца девятнадцатого века члены нашей семьи в любом приличном городе Иль-де-Франса могли ужинать в собственных ресторанах. Однажды в начале двадцатого века в одном из них, том, что на улице d'Antin в Париже, завтракал сам Дягилев, крайне взволнованный неурядицами вокруг ожидаемой через день или два премьеры его знаменитой постановки "Царя Бориса" в Гранд-опера. Это к слову.

Окрыляющая идея, что я, возможно, являюсь потомком какого-нибудь русского князя или знаменитого гусарского генерала заставила меня всерьез заняться воссозданием своей родословной.

Но краткая поездка в Россию разочаровала. Мои предки не оказались даже простыми дворянами. А один из них, по фамилии Ягин, живший в конце восемнадцатого века, и вовсе принадлежал к самой неуважаемой в России профессии. Тюремный надзиратель. Самой яркой страницей его жизни было то, что он надзирал за приговоренными к смерти приспешниками знаменитого разбойника и бунтовщика Емельяна Пугачева.

Мои новые родственники поведали, что один из этих заключённых, истомленный ожиданием казни, которую то и дело откладывали до поимки самого Пугачева, попросил нашего Ягина об услуге. Человеком Ягин был милосердным, просьбу исполнил. И вскоре тот заключенный тихо умер в своей камере. Предположительно от отравления неизвестным ядом. Поскольку от передачи яда до его применения прошел не один день, дознаватели не усмотрели связи этой смерти с моим сострадательным предком. Признался предок Ягин в содеянном, лишь достигнув почтенного возраста, когда никакие наказания уже не могут напугать человека.

Все, чем смог расплатиться с ним тот несчастный, были записки о его жизни, составленные в тюрьме. Какие он заблаговременно передал Ягину. Вкупе с обещанием, что спустя годы эти грязные, трепанные листы будут иметь много большую ценность, чем имеют сейчас.

Предок Ягин читать не умел и убрал записки в ящик с документами, которые потом, в груде других, никем не читанных семейных бумаг, переехали во Францию.

Вернувшись в парижскую квартиру, я разыскал эти бумаги. В глубине комода, в ящике, который не видел света лет, наверное, сто, я нашел то, что искал. Но не сами «Ягинские» записки, а их перевод на тот французский, каким он был в конце девятнадцатого века. Как оказалось, мой прапрадед, подобно мне заинтересовавшийся своими корнями, сам их перевел и даже намеревался предложить местным издателям. Но энтузиазм по каким-то причинам угас, и с тех самых пор рукопись лежала в комоде в ожидании, как оказалось, меня.

С первых же страниц я обнаружил, что описываемые в ней события кажутся мне знакомыми. По крайней

мере, уже пересказанные одним известным русским писателем. В ближайшей библиотеке, где нашлись книги этого писателя, я убедился в верности своих предположений. Вот только персонажи, наполняющие эту историю, а также их имена и фамилии не совпадали совершенно. Не сумев найти среди кипы сохранившихся бумаг оригинальный русский текст, я взялся за их обратный перевод. Для упрощения своей задачи постоянно сверялся с повестью русского писателя. Погружаясь в работу, вскоре понял, что читаю два совершенно разных рассказа об одной и той же череде событий. Не часто, но мне все же попадались обороты и даже целые абзацы, совпадающие по содержанию. В таких случаях я позволял себе переносить фрагменты в свой текст с возможно минимальными изменениями. В тех же случаях, когда описания очевидно противоречили друг другу, я строго придерживался той рукописи, что досталась мне.

В завершение, зная, что в России имена героев были изменены еще при первой редакции, я решил поступить так же. Дал своим персонажам те имена, какие они получили когда-то от русского редактора. Надеюсь, что таким образом я лишь укрепил прямую связь этих двух повествований об одном и том же. Не более.

Такова история появления моего перевода. Возможно, несовершенного, но выполненного старательно и с полным осознанием своей ответственности.

Avec mes remerciements,

Votre V. D.

1. Новый офицер

К концу шел второй год моей жизни в Белогорской крепости, когда в ней появился Петр Гринев. Юный повеса, едва семнадцати лет, прошедший детство где-то в Симбирском захолустье, в деревне, принадлежащей его отцу, средней руки помещику и дворянину. История появления Гринева в крепости была довольно странная. Едва родившись, младенец Петруша уже был записан родителями не абы куда, а в Семеновский полк. Тот самый, лейб-гвардии Семеновский полк Российской Императорской гвардии. Такого, без внушительной протекции, никак было не получить. Но папаша, служивший, говорят, еще при славном генерал-фельдмаршале графе Минихе Христофоре Антоновиче, видно сохранил старые связи и сумел заготовить единственному сынку теплое место. При его верном расчёте Петруша, по достижении служебного возраста, должен был бы отправиться в стольный Петербург в расположение полка, куда был приписан.

Но однажды, даже не дав сыну толком возмужать, отец поменял решение. И вместо лелеянного в мечтах и надеждах Санкт-Петербурга, где ненаглядное дитя могло бы припеваючи существовать под крылом старого отцовского товарища, Петруша оказался в глухой пограничной крепости на краю России, посреди унылых киргиз-кайсацких степей. В такие места направляли или, вернее сказать, ссылали за некие серьезные воинские провинности. Однако Гринев был маловат для провинностей такого рода, да и на воинской службе, хотя и в чине прапорщика, пока состоял лишь формально.

Одно слово — недоумение. Однако позже этот факт прояснился.

2. Ермолай

Меня зовут Алексей Иванович. Швабрин – моя фамилия. Сын помещика Ивана Григорьевича Швабрина из окрестностей города Тамбова, что относился тогда к Воронежской губернии. От предков, по рассказам отца когда-то славных, но не сумевших ни толком сохранить, ни тем более укрепить благосостояния, отец получил поместье – единственную деревню на берегу реки Цна. К ней в придачу тридцать-сорок десятин земли да полсотни с небольшим крестьянских душ. Уверенный в своей способности самостоятельно наладить дела, отец женился по любви на дочери безземельного орловского дворянина. Жизнь мои родители вели не богатую, но достойную, раскрашивая ее небольшими взаимными удовольствиями. По сути милыми, но которые при пересказе выглядят глуповатыми и смешными. Скажу только, что отец носил маму на руках и выказывал ей такое уважение, какого я больше не наблюдал никогда и нигде между мужчиной и женщиной.

Мама умерла в тот день, когда должна была родиться моя сестра. То ли повитуха сделала что-то не так, то ли Бог совсем уж не зорко следил за нашей семьей, но при родах они пропали обе. Границ отцовскому горю не было. Приехавшая на прощание с невесткой сестра отца Варвара Григорьевна еще неделю после похорон находила по утрам папу спящим на траве около могилы мамы. Сочувствие ему наших мужиков, простых и не способных к притворству, вскоре сменилось насмешками и презрением.

– Потеря жены – с кем не бывает? Но так убиваться, может оно и богоугодно, но не вполне по-барски. И не ответственно.

3. Знакомство

Узнав о появлении в Белогорской крепости нового офицера, я в первое же утро отправился к нему. На мой осторожный стук никто не ответил. Дверь была приоткрыта, и я решился войти.

Гринев сидел на шатком табурете перед мутноватым слюдяным оконцем. Все, что он мог разглядеть в нем, была унылая заснеженная степь. Да еще две-три избы, ставших влево от окна косым рядом. Перед одной из них, вплотную к кривому забору, стояло корыто. Копшившиеся в нем три свиньи дружелюбно хрюкали. Вокруг них озабоченно бродили несколько куриц. Я остановился на пороге и несколько мгновений наблюдал за Гриневым.

Его лицо было еще тоскливее, чем пейзаж за окном. Приоткрытый рот, будто смотрящие в пустоту глаза и руки, безвольно легшие на колени. Шея подавалась вперед и согнулась почти как у старика.

«Оставь надежду...», — вспомнилось.

Гринев повернулся ко мне.

— Савельич... — начал было. Но тут нормальное зрение к нему вернулось, и от удивления рот раскрылся еще больше. Я понял, что оказался первым светлым пятном с момента, как он перешагнул рубеж нашей крепости.

— А где Савельич? — неловко спросил Гринев и тут же покраснел от своего конфуза.

Я по-доброму хохотнул и представился. Чтобы поддержать верность его первого от меня впечатления, я решил начать беседовать с ним на дворянский манер.

— Извините меня, — сказал по-французски, — что я без церемонии прихожу с вами знакомиться. Вчера узнал о вашем приезде; желание увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел.

7. Пугачевщина

Шли месяцы. То ли папаша Гринев не торопился с обращениями, то ли письма его застряли где-то в армейских канцеляриях, но Гринев все еще оставался в нашей крепости. Правда, и отношения его с Машей почти прекратились. Гринев перестал бывать у Мироновых, а она выходила из дома крайне редко, стараясь избегать с ним встреч. Гринев повторял путь, когда-то пройденный мной. Как и я, он приучился сидеть один дома. Как и я, впадал в мрачную задумчивость и изнывал от бездействия. Раза два или три в месяц я заглядывал к нему в надежде расшевелить новыми книгами. Он принимал их, но возвращал каждый раз нечитаными. Возможно, что Гринев ударился в тайное распутство, но об этом мне ничего не известно.

Изредка наблюдая его, я начинал сожалеть об уроке, который преподавал ему так жестоко. Иногда мелькала идея поделиться с ним историей моей жизни. Только что ему до нее? Что кому-то любому до жизни другого? Так, потеревить сердце, почесать сознание... А потом плюнуть и растереть.

Между тем, на нас надвигались события необыкновенные. Страшные и безжалостные. Из тех, что во благо лишь некоторым. А всем другим — вовсе наоборот.

Тем вечером мы собрались у коменданта. Поручик Иван Игнатьевич, Гринев, казацкий урядник Максимыч и я. Комендант встретил нас озабоченным. Усадил за стол, вынул из кармана бумагу.

— Господа офицеры, важная новость, — сказал комендант.

Надел очки и начал читать: «Капитану Миронову. По секрету. Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачев,

учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвел возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно и к совершенному уничтожению оного, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению».

– Принять надлежащие меры, – повторил комендант. Снял очки, отложил бумагу. – Злодей-то видно силен, коли так легко по крепостям движется.

Мы встретили его замечание молча. В Белогорской крепости было лишь сто тридцать человек и одна пушка. Вряд ли в крепостях, захваченных Пугачевым, гарнизонные составы и вооружение были меньшей численности.

– С сегодняшнего дня учреждаю ночные дозоры, – сказал Иван Кузьмич внезапно окрепшим голосом бывшего строгого командира. – И удвоить караулы. Ворота держать запертыми, без надобности не отпирать. – Алексей Иванович, – обратился ко мне, – займись пушкой, это по твоей части. Уж не помню, сколько из нее не стреляли.

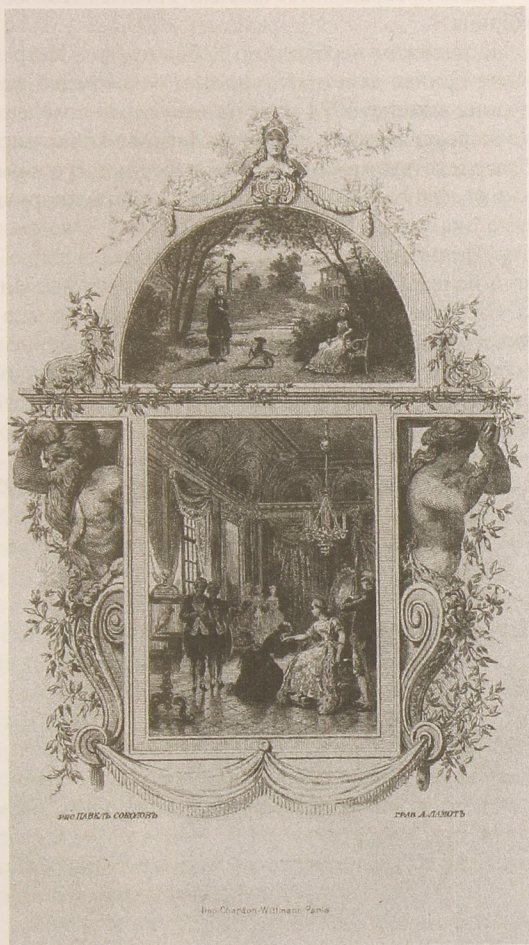
Просмотрев еще раз письмо, комендант вздохнул, повернулся к уряднику.

– Как твои казаки, Максимыч?

– По седлам мои казаки, – ответил урядник.

– Смотри крепко за ними. Плоха на них надежда, не в укор тебе будет сказано.

Урядник усмехнулся. На этом их разговор закончился. Иван Кузьмич приказал особо не распространяться о содержании оглашенного письма и распустил

Александр Сергеевич Пушкин

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Береги честь смолоду

Пословица

Глава I

Сержант гвардии

— Был бы гвардии он завтра ж капитан.
— Того не надобно; пусть в армии послужит.
— Изрядно сказано! Пускай его потужит...

.....
Да кто его отец?

Княжнин

Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году. С тех пор жил он в своей симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве. Я был записан в Семёновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нынешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel, не очень понимая значения этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и *врагом бутылки*, то есть (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили, — то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке, и даже стал предпочитать ее винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю:

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змей и, пользуясь сном Бопре, принялся

Глава VI

Пугачевщина

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывати.

Песня

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении. Крепости выстроены были в местах, признанных удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства беспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмущение в их главном городке. Причиною тому были строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убиение Траубенберга, своевольная перемена в управлении и, наконец, усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Все было уже тихо

или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали втайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашел я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого урядника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочел следующее:

«Господину коменданту Белогорской крепости
Капитану Миронову.

По секрету.

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачев, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвел возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно и к совершенному уничтожению оногo, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению».

— Принять надлежащие меры! — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. — Слышь ты,

Глава IX

Разлука

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.

Херасков

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошел на сборное место. Там строились уже толпы пугачевские около виселицы, где все еще висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьем. Знамена развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тела комендантши. Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачев вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачев остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросался их подбирать, и дело обошлось не без увечья. Пугачева окружали главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моем он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачев, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, — сказал он мне. — Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присове-

туй им встретить меня с детскою любовью и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливый путь, ваше благородие!» Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрина: «Вот вам, детушки, новый командир. Слушайтесь его во всем, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачев сошел с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было посадить его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачеву и подает ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Это что?» — спросил важно Пугачев. «Прочитай, так изволишь увидеть», — отвечал Савельич. Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрено пишешь? — сказал он наконец. — Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?»

Молодой малой в капральском мундире проворно подбежал к Пугачеву. «Читай вслух», — сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

— «Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей».

— Это что значит? — сказал нахмурясь Пугачев.

— Прикажи читать далее, — отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

— «Мундир из тонкого зеленого сукна, на семь рублей.

Штаны белые суконные, на пять рублей.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**